

Директор снял очки, как только Минерва вышла из его кабинета. Было действительно слишком много всего, чтобы держаться прямо. Даже с помощью своего мыслемысла ему было трудно бороться с формирующейся головной болью, поскольку он пытался все это организовать и определить, какие варианты у него есть и какие ему следует выбрать.

Тот факт, что кто-то активно пытался убить Гарри, беспокоил его больше, чем знание того, что Волдеморт запал на мальчика. По крайней мере, он знал Волдеморта и более или менее знал, чего ожидать. Но это . . . убийца, он ничего о них не знал, только то, что они умело подкрадывались и знали, как проникнуть в одно из самых хорошо охраняемых мест в Министерстве. Конечно, вряд ли это было чудом, но все же сделать это без доказательств своих действий. . . это было пугающе.

Дамблдор закрыл глаза, еще раз вспомнив момент, когда он узнал, что на Гарри напали прямо в стенах Хогвартса и посреди Большого зала. Его сердце все еще сжималось от воспоминаний. Если бы не Северус. . .

Он вздохнул. Была еще одна вещь, которую он с трудом укладывал в голове. Способность Северуса остановить проклятие, хотя и очень удачная, была... . тревожный. Очень немногие обладали таким пониманием темной магии, чтобы манипулировать ею таким образом, и для него, чтобы подавить массу ужасной магии, означало, что магия этого человека была в определенной степени настроена на такую злонамеренную силу. Это было очень тревожно, если не сказать больше. Когда у него появилась такая темная магическая интуиция?

С тех пор, как он отвернулся от Волдеморта, Альбус внимательно следил за Северусом ради своего же блага и ради безопасности всех вокруг, включая учеников и остальных сотрудников. Темная магия была очень опасной ловушкой, она могла вызвать зависимость почти у любого, и очень часто она приводила их к точке невозврата, если рядом с ними не было кого-то, кто время от времени тянул бы их назад. Дамблдор надеялся, что он сможет быть этим человеком для Северуса, но, похоже, он почему-то потерпел неудачу; хотя, похоже, Северус справился с этим, за что Альбус был ему благодарен.

Но оставался вопрос, где, когда и как Северус обрел такую силу и власть над тем, что развратит и подчинит себе низших людей?

Он полагал, что мог бы получить некоторые из них летом. Были времена, когда молодой человек пропадал на несколько дней подряд. До сих пор Дамблдор был уверен, что именно так Северус готовился к следующему учебному году, как к мини-каникулам. Конечно, Северус никогда не называл это так, но Альбус именно так и предполагал, в конце концов, что еще это могло быть? Но сейчас он не был так уверен.

Дамблдор встряхнулся. Даже если то, что он теперь подозревал, было правдой, сейчас он ничего не мог с этим поделать. Кроме того, казалось, что молодой человек хорошо держал ее в руках — он всегда отличался необычайно сильными познаниями в темной магии — и она определенно пригодилась, так что сейчас он ничего не мог возразить.

Директор решил сосредоточиться на более недавних событиях, которые были не менее, если не более, нервными.

Люциус Малfoy принес Северусу тревожную информацию. У Дамблдора не было причин не верить этому человеку. Не только из-за долга жизни, но и потому, что все, что он сказал Северусу, совпало, и, покопавшись самостоятельно, он полностью согласился с чистокровным блондином. В Министерстве происходило что-то неблагоприятное, и это определенно наводило его на мысль, что кто-то или группа лиц получили доступ к Запретной библиотеке. К сожалению, у него не было возможности узнать, сколько доступа они получили и как долго. Он должен был предположить, что Люциус был прав в своей оценке, хотя, поскольку он был прав в других вещах, само собой разумеется, что он был прав и в этом.

Почему кому-то понадобилось столько времени и усилий, чтобы получить такое проклятие? Были и другие проклятия, которые можно было использовать на мэнском пергаменте. Впрочем, ничего такого редкого и сложного в уничтожении.

И вот оно. Это было причиной. Все другие заклинания, о которых знал Дамблдор, темные и светлые, которые могли быть прикреплены к письму и оказаться опасными для открывающего, могли быть противопоставлены самым знающим целителям. Только это проклятие действовало вопреки тому, что можно было бы подумать, и часто сохранялось до самой кончины жертвы. Тот, кто отправил Гарри это проклятое письмо, действительно хотел, чтобы он страдал и погиб, и тот факт, что они нацелились на его руки, Дамблдор тоже не упустил. Как только они поставили печать ICW на письмо, стало ясно, что им нравится отправлять основные сообщения. Что рассказало Альбусу о них еще кое-что. Вероятно, они были очень умны и любили играть в интеллектуальные игры.

Что ж, он, конечно же, предупредил некоторых людей о своих подозрениях относительно Запретной библиотеки, особенно мадам Боунс, Аластора и Кингсли. Он исключил участие Люциуса. Ничего не выйдет, если тот, кто преследовал Гарри, обнаружил, что Люциус на них напал.

Дамблдор глубоко вздохнул, возвращаясь мыслями к событиям накануне.

Профессор Спраут связалась с родителями Смита, и они должны были прийти на встречу в ее кабинет позже на этой неделе. Кроме того, Помона сняла с Хаффлпаффа пятьдесят очков из-за действий Смита против Драко. Тот факт, что он непреднамеренно причинил вред Гарри, не был принят во внимание. Это можно было бы назвать несчастным случаем, каким бы смертельным оно ни было.

Но правда оставалась в том, что Смит презирал Гарри.

Редко когда ученик был так злобно настроен по отношению к другому члену своего дома. На самом деле это было почти неслыханно, и тот факт, что это происходило в Хаффлпаффе, возможно, самом лояльном факультете. . . . Альбус знал, что это немного смущает Помону, как и остальных пухляков.

Он знал, что многие студенты будут шокированы тем, что Смита не исключили, тем более что его действия чуть не убили кого-то. Но на все это нужно смотреть объективно, и в конечном счете действия Смита были ребяческими и совершенными из гнева. Если бы каждый студент, который вел себя таким образом, был исключен, он осмелился бы сказать, что по крайней мере четверть студенческого контингента ушла бы до их третьего курса.

Однако действия Смита не остались безнаказанными. Отнюдь не.

Как и в случае со всеми серьезными правонарушениями, наказание определял глава студенческого дома, и поэтому Помона должна была решить наказание Смита. Помимо того, что он связался с его родителями и снял пятьдесят очков, Помона назначила ему неделю заключения с ней и своего рода испытательный срок, который продлится две недели. Он не мог покидать общие комнаты Хаффлпаффа, за исключением занятий и приема пищи. Если и когда ему по какой-либо причине придется попасть в тюрьму, в лазарет или библиотеку, его должен будет сопровождать префект. Кроме того, Помона всегда будет знать, где он находится. Это будет сделано через домовых эльфов и префектов.

О, да, следующие две недели Смиты предстояло очень скучное и ограниченное существование.

Альбус только надеялся, что это разбудит мальчика и не сделает его еще более ненавистным.

Пощипывая переносицу, он подумал о Гарри.

Мальчик продвигался в магии быстрее, чем они сначала ожидали, когда узнали, что он дремлющий маг; хотя его продвижение было больше по необходимости, чем из реальной сознательной практики. Он гордился мальчиком, но и волновался. Смогут ли они дать необходимые ему инструкции, когда его магическое мастерство продолжит расти? С момента его возвращения в волшебный мир способности Гарри развивались стремительно, превосходя его первоначальные ожидания, и изначально он уже ожидал справедливой сделки.

Парень уже опередил Альбуса в его возрасте; Конечно, парселмагия определенно давала человеку преимущество, но даже без этого его знания были выше, чем у большинства его сверстников. Сейчас единственным человеком, который мог составить ему конкуренцию, была Гермиона Грейнджер. Он был искренне поражен тем, что девушка не оказалась в Рейвенкло.

Он переориентировался.

Руки Гарри снова избежали критических повреждений; хотя, как и в прошлый раз, они не остались невредимыми.

Единственным утешением было то, что его кости полностью срослись после всего, что сделал Гарри. По словам Помфри и Северуса, Гарри разрушил проклятие своей магией, задушив и полностью уничтожив его, прежде чем оно смогло отреагировать на его магию и вызвать ужасную реакцию. Таким образом, Северус полагал, что большая часть магических и

физических соединений, оставшихся от разрушенного проклятия, вернулась к первоначальной форме. Казалось, реакция, вызвавшая пожар, была обращена вспять действиями Гарри. Обратной стороной было то, что его нервы были повреждены в процессе. Ошеломляющий всплеск магии действовал подобно проклятию круциатус.

Альбус покачал головой.

Чтобы сравнить повреждения, целитель, осматривающий Гарри, не зная, что произошло, подумал бы, что руки мальчика — и только его руки — страдали под крестообразным крестом почти целую минуту без каких-либо пауз. Это не было неизлечимым, но уж точно никому не пожелаешь, и уж тем более ребенку.

Что ж, Северус уже приступил к приготовлению необходимых зелий, и, если повезет, самое позднее к концу месяца Гарри вернется к своему прежнему состоянию.

О о о о о

Гарри посмотрел на свои руки и медленно сжал их в кулаки. Сегодня им было намного лучше. Его пальцы по-прежнему время от времени дергались, но непроизвольные спазмы, преобладавшие на следующий день после того, как он разрушил проклятие, теперь стали редкостью — к счастью. Поначалу он боялся использовать свою палочку, на случай, если заклинание сработает и на него приземлится буйвол, как это случилось с одним парнем, о котором он узнал.

Он потряс руками, счастливый, что легкое покалывание на его безымянном пальце и мизинце почти полностью исчезло.

Прошло почти полторы недели с тех пор, как ему вернули кости. Зелья профессора Снейпа, казалось, работали хорошо, и мастер зелий сказал ему, что он уверен, что его руки вернуться в нормальное состояние через несколько дней. Гарри был в восторге. Хотя все было не так сложно, как когда его руки были перевязаны, он с нетерпением ждал, когда все вернется на круги своя, и, кто знает, может быть, профессор Спраут сможет начать давать ему эти уроки.

Что касается человека, ответственного за его нынешнее состояние, то теперь Смит был практически призраком.

Он полностью подверг себя остракизму после того, как набросился на Малфоя. Теперь никто не хотел с ним общаться, и даже старосты, которые были обязаны сопровождать его в библиотеку и тому подобное, редко разговаривали с ним. Было видно, что они весьма им недовольны. Помимо потерянных очков, их действительно раздражало то, как его отношение и действия плохо отражались на их доме. Хаффлпафф должен был быть домом дружбы и верности, а не ненависти и зависти. Часть Гарри на самом деле жалела Смита, но он навлек это на себя.

Задержание Смита со Спраут закончилось, но он все еще находился под домашним арестом. У него оставалось еще несколько дней до того, как он снова станет «свободным», и, надеюсь, он усвоил урок. Только время покажет.

О о о о о

— Очень хорошо, Гарри, — с улыбкой сказала профессор Спраут, когда кончик палочки Гарри слегка засветился.

Последние несколько недель он учился бесшумно использовать Люмос. Это был первый раз, когда ему это удалось. Профессор Спраут сказал ему, что это один из лучших способов научить его магию реагировать на его волю и позволить ему начать сознательно контролировать свою магию вне своего тела (за исключением парселмагии), с палочкой и без нее.

Его уроки с профессором Спраут теперь проводились каждую пятницу в свободное время между занятиями. Поначалу он был немного разочарован тем, что проводит с ней всего один день в неделю, но быстро передумал, когда понял, как много у него работы на других занятиях, помимо помощи мадам Помфри в больничном крыле и обучения. от нее. В конце концов, Гарри признал, что ему нужно немного отдохнуть, особенно со своими друзьями.

На данный момент они с Невиллом отказались от своих исследований. Помимо того, что все это было немного выше их понимания, книги, к которым у них был доступ, не содержали достаточно подробностей, чтобы заполнить огромные пробелы, которых им не хватало в медицинских знаниях — по крайней мере, так чувствовал Гарри. Он достаточно многому научился в своей старой маггловской школе, чтобы понять, что сердце — это нечто большее, чем просто мышца, перекачивающая кровь. В нем были проходы, камеры, клапаны и сеть, связанная с легкими, чтобы насыщать кровь кислородом и отправлять ее обратно в остальную часть тела. По какой-то причине в книгах не было таких подробностей, и, хотя в паре абзацев говорилось о том, что делают органы, в них никогда не было подробного описания того, как это делается.

И Гарри знал, что если он когда-нибудь сможет помочь Лонгботтомам, ему нужно будет узнать немного больше о нервной системе, чем о таких вещах, как «нервы важны, они посылают сигналы в мозг». Ну, да.

Вместо исследований Гарри занялся обучением Невилла. Несколько часов в неделю они посвящали упражнениям, которым профессор Спраут научила Гарри в прошлую пятницу. Это было полезно для Гарри, так как ему было с кем практиковаться, и Невилл был рад узнать еще один способ улучшить свои магические способности. Возможно, тогда его бабушка не думала бы о нем так низко.

В течение следующего месяца Министерство начало распространять вакцину среди населения, желающего ее принять, и огромное количество оборотней уже получили ее. Весьма вероятно, что слова Ремуса Люпина по этому поводу утешили многих колеблющихся людей, не уверенных в достоверности излечения через переливание крови. Он согласился дать интервью

репортеру «Пророка» по имени Марк Карнейрус на следующий день после того, как стало известно, что он вылечился. Внимательно отслеживая донорскую кровь от бывших оборотней и тех, у кого иммунитет, Министерство было уверено, что популяция оборотней в Англии упадет более чем на 90 процентов до начала лета.

Это, безусловно, была хорошая новость, и публика была рада услышать, что существование оборотней может скоро уйти в прошлое. Министр, конечно же, наелся хорошей прессы и грелся в лучах исторического момента. Гарри был в порядке с мужчиной, делающим это. Чем больше внимания он привлекал, тем меньше Гарри приходилось иметь дело — хотя, конечно, имя Гарри широко упоминалось в каждой статье о лечении и белой магии, но, по крайней мере, его не преследовали репортеры.

«Я думаю, ты забудешь это заклинание до того, как занятия закончатся в этом семестре», — сказала профессор Спраут, когда Гарри улыбнулся. «Бесшумное заклинание трудно освоить, и хотя нередко ведьмы и волшебники произносят заклинания молча в состоянии стресса, очень трудно добиться успеха, если вы никогда не практиковали это раньше, даже с адреналином».

«Итак, когда именно было бы полезно провести беззвучный кастинг?» — спросил Гарри.

«Ну, лучше всего спросить об этом профессора Флитвика, но безмолвное заклинание в основном используется в дуэлях волшебников. Это усложняет задачу вашему противнику, если он не знает, какое заклинание на него надвигается. Конечно, некоторые заклинания можно определить с первого взгляда, но не все».

Брови Гарри слегка приподнялись. — Значит, ты можешь научиться бесшумно произносить любое заклинание?

«Я предполагаю, что это возможно, но некоторые заклинания очень трудно успешно произнести, даже если они произносятся вслух. Слова очень важны для управления магией. Со словами приходят сосредоточенность, намерение и сила. заклинания сильнее ваших безмолвных. С вашим голосом приходят эмоции, а эмоции сильно влияют на магию, больше, чем что-либо еще. Насколько я понимаю вашу парселмагию, это особенно верно.

Гарри кивнул. «Ага. Помимо разговора на парселтанге, речь идет о чувствах и намерениях. Пока слова соответствуют этому, это должно работать — ну, конечно, направляя магию», — сказал Гарри, пожав плечами.

Профессор Спраут мягко улыбнулся, задаваясь вопросом, знает ли он, насколько поразительны его способности на самом деле.

«Вы делали что-нибудь, кроме исцеления с помощью парселмагии?» — спросила она с любопытством.

«Нет, еще нет. Я читал то, что было в «Искусстве парсела» о защитной магии, но она

отличается от исцеляющего аспекта парселмагии, и я хочу иметь больше контроля, прежде чем пытаться что-либо с ней делать. Книга предупредил, что вы можете навредить себе, если не знаете, как с этим справиться».

"Что ты имеешь в виду?"

«Ну, я еще не совсем все понимаю, но в книге сказано, что это похоже на строительство замка. Если ты построишь стены неправильно, он может обрушиться на тебя. Ты должен правильно расставить камни».

«Понятно. Обереги почти такие же, поэтому директор собирается подождать до лета, чтобы усилить здесь обереги. Магия на территории должна быть совершенно спокойной, а присутствие сотен учеников этому не способствует, — сказала она легко.

Гарри собирался расспросить еще о оберегах, но прежде, чем он успел это сделать, из его шрама вырвалась горячая добела боль, а в нем вспыхнуло чувство темного восторга. С болезненным шипением его правая рука взлетела ко лбу, и он споткнулся о стол позади себя.

"Гарри?!" — спросила профессор Спраут, тут же оказавшись рядом с ним.

А потом, просто так, он исчез, хотя его шрам оставался болезненным и странным ощущением, что что-то собирается вместе.

"Что случилось?" — снова спросила она, когда он медленно посмотрел на нее.

«Я не знаю. Мой шрам просто внезапно загорелся».

— Как ты себя чувствуешь сейчас? — спросила она, глядя на него глазами, когда он немного опустил руку.

«Теперь это немного болит», — сказал он, потирая его. — Раньше такого никогда не было. С Квирреллом это постепенно нарастало, а не внезапно вспыхивало. Значит ли это... значит ли это, что Волан-де-Морт близок или что-то в этом роде?

«Пойдем к директору. Может быть, он знает, что происходит», — сказала она, уже ведя его к двери.

Она явно не собиралась шутить с этим, и Гарри был этому рад. Даже сейчас было странно иметь учителей, которые обращали на него внимание и так быстро помогали. В своей старой маггловской школе ему повезло, если он даже получил улыбку.

Идя рядом с профессором Спраут, они добрались до входа в кабинет Дамблдора.

«Мороженое с щербетом», — заявила Спраут, заставив горгулью отойти в сторону.

О о о о о

Альбус оторвался от своего стола, немного удивившись, узнав, кто стоит у двери, но не удивившись, позвал их внутрь. Возможно, сегодня кто-нибудь из его сотрудников примет лимонную дольку!

— О, привет, Гарри, Помона, — поздоровался он. "Лимонный леденец?"

— Нет, спасибо, директор, — быстро ответила Помона, уже жестом приглашая Гарри подойти к ней.

Гарри посмотрел на нее, немного не зная, с чего начать.

"Что-то случилось?" Дамблдор немного подвинулся вперед, быстро став серьезным и желая знать, что происходит, временно забыв о леденцах.

«Некоторое время назад мы с Гарри были в моем кабинете, и пока мы разговаривали, у него случился краткий, но сильный приступ боли в шраме. Когда это случилось в прошлый раз, Знаешь... Волдеморт был рядом, Я решила, что будет лучше немедленно прийти к вам, — сказала она.

Альбус встал, обошел стол и остановился перед Гарри.

Это определенно беспокоило, но уж точно Волдеморт не все еще был где-то в замке. . . . Дамблдор нахмурился, пытаясь понять, почему шрам Гарри так себя ведет, когда, насколько ему известно, Волдеморта больше нет. После той короткой стычки в лесу перед Рождеством Альбус был почти уверен, что вынудил его уйти, так как больше не мог обнаружить присутствие Тома. Однако тот факт, что Риддл был способен использовать магию против него, вызывал тревогу, и он не собирался ослаблять бдительность. Он не был уверен, как Волдеморт смог взорвать поляну, но не мог не опасаться, что Том нашел другого добровольного хозяина или забрал у Квиррелла достаточно магии, чтобы временно «проявить» себя в физическом существе. Любая возможность вызывала беспокойство, но он надеялся, что в любом случае

— Что вы чувствовали, когда это произошло? — спросил Дамблдор, жестом приглашая Гарри сесть за стол.

— Ну, внезапная боль и... не знаю, волнение, может быть? — неуверенно сказал Гарри, садясь.

"Возбуждение?" — спросила Спраут с явным замешательством в голосе.

«Это было странно. Как будто я узнал, что грядет что-то хорошее, и я не мог дождаться, когда это произойдет. Это было только на секунду, но...» Гарри покачал головой. «Я не знаю, может быть, мне это показалось. Мой шрам был очень горячим, и это испугало меня. Я не понимаю, откуда взялось это чувство или почему я его почувствовал. но я почувствовал... что-то».

Альбус нахмурился, в его голове возникла тревожная теория.

Никогда раньше не было такого шрама, как у Гарри. Было понятно, что это может привести к неожиданным и непредвиденным последствиям.

"Старший мастер?" — спросила Помона, глядя на него снизу вверх и обнаруживая, что в его глазах читается мрачный и беспокойный свет.

— Гарри, с того момента, как я увидел твой шрам, я понял, что он не похож ни на один существующий шрам, — мягко сказал Дамблдор, опускаясь на колени рядом с креслом Гарри. Ему действительно не хотелось рассказывать Гарри свою теорию, но, вспомнив, что сказала ему Распределяющая шляпа, и зная, что он не может не сказать ему сейчас, он собрался и продолжил. — У меня есть теория, не более того. Я считаю, что твой шрам болит и тогда, когда Лорд Волдеморт рядом с тобой, и когда он испытывает особенно сильные эмоции.

Гарри сглотнул. «Профессор Снейп сказал мне, что мой шрам чувствителен к магии Волдеморта, потому что он был создан им, и поэтому мне больно, когда он рядом — но на самом деле в этом есть нечто большее?»

«Тебя и его связывает проклятие, которое не сработало. Такое случалось в прошлом, но никогда с таким темным проклятием. Никогда с проклятием, предназначенным для мгновенной смерти. Если я не ошибаюсь, Гарри, он непреднамеренно создал связь между ним и вами в ту ночь. Чтобы наложить смертоносное проклятие, нужно напитать их разум и сердце ненавистью и намерением убить настолько сильным, что это единственное, что они осознают в это мгновение».

«В этом, должно быть, много ненависти», — прошептал Гарри, чувствуя, что профессор Спраут отошла на другую сторону его стула.

Дамблдор кивнул. «Да, и именно поэтому я думаю, что возникла эта связь. Его ненависть к тебе коснулась тебя, когда она была еще связана с ним, когда он все еще полностью сосредоточился на своих намерениях, и когда проклятие не сработало и вернулось обратно к нему, я считаю, что связь никогда не прерывалась».

О о о о о

Невилл медленно сел рядом с Гарри. Они были у озера, и было воскресенье. Снег давно растаял, и весна наконец-то началась.

— Привет, Невилл, — мягко сказал Гарри.

"Привет."

Гарри уже рассказал ему, что узнал от Дамблдора. Невилл перевел взгляд на озеро, недоумевая, как Гарри может казаться таким спокойным. Если бы это был он, он бы заперся в пустой комнате и плакал.

— Я в порядке, — прошептал Гарри после долгого молчания.

Невилл перевел взгляд на Гарри, пораженный, увидев непоколебимый взгляд друга, смотрящий прямо на него, но он знал, что с Гарри не все в порядке, несмотря на его храбрый вид.

— Нет, не так, — заявил Невилл, часть его была потрясена тем, что он только что выпалил это, но он знал, что был прав, когда Гарри отвернулся и закрыл глаза. — Но я знаю, что ты будешь, — мягко добавил он.

Через мгновение Гарри медленно кивнул, его плечи больше не сутулились, когда он сосредоточил взгляд на озере.

— Я ненавижу его, Невилл, — заявил Гарри таким напряженным голосом, что казалось, он вот-вот сломается. "Я ненавижу его, и мысль, что я могу чувствовать..." Он тяжело сглотнул. «Эта связь не будет длиться вечно. Я позабочусь об этом. Когда-нибудь я закончу работу, начатую проклятием». Гарри снова посмотрел на Невилла. «Он больше никого не убьет, если я смогу это остановить».

Невилл, не прерывая зрительного контакта, натянуто кивнул. — А я тебе помогу.

Гарри оглянулся на воду и мягко улыбнулся. "Я знаю."

<http://tl.rulate.ru/book/76005/2265850>